

* * *

Несовременно?.. Вот и пусть!
С собою в спорах,
Учу травинку наизусть,
Колосьев шорох.
Не по рассказам, не из книг,
Душою мучась,
Навзрыд учу лебяжий крик,
Листвы летучесть.
Который день, который год,
Почти построчно,
Учу, как зреет умолот
В колосьях сочных.
Учу росинку, василёк,
Зарю над пожней.
И свет лучится между строк,
Мой свет тревожный...

* * *

Валерию Хатюшину

Мы пришли в этот мир
Из холодных квартир,
Где под примус скворчала картошка,
Где за стенкою жил отставной конвоир,
Всё приученный слушать сторожку.
Где динамик хрипел от темна до темна
И нигде его не выключали –
Вдруг внезапно объявят, что снова война
И по радио выступит Сталин?..
Этот круглый динамик меня одарил
Знаньем опер, столиц и героев.
Душу «Валенки» грели,
«Орлёнок» парил,
И танкистов-друзей было трое...
А Утёсов хрипел нам про шар голубой,
Но мы знали – объявят тревогу,

И пойдём «на последний, решительный бой»,
Так что, «смело, товарищи, в ногу...»
А теперь ни динамиков нет, ни святынь...
И давно нет в быту керосина.
Телевизор посмотришь: «Нечистая, сгинь...»
Где был дух, там одна Хиросима.
Слышу старых друзей голоса из-под плит –
Им так больно, что мир разворован!
И отрада одна – белый аист летит
Всё же выше, чем каркает ворон...

* * *

Ни ветерка... Молчит кукушка...
Простор безмолвствует, крича:
«Отчизна – это Русь и Пушкин...
Да белый ангел у плеча».
И чудится, что ангел белый
Перо над крышей обронил.
Пушинки кружатся несмело...
Пу-шин-ки... Пушкин подарил...
Пушиночка скользнёт по брови,
И дальше – тихо, не шурша.
И станет менее суровой
Давно остывшая душа.
И всё, что сплыло без возврата,
Уже не страшно, не черно.
И нет сестры, и нету брата,
А есть дыхание одно.

* * *

Время метаний...
Основа основ.
Пусто и голо.
Вроде Микола стоит Лупсяков...
*Як ты, Микола?*¹

Переступлю через снежный сумёт,
Прошлое – рядом.
Толя Гречаников руку пожмет:
«*Што з перакладам?*...»²

От недовольных супружниц тайком,
Ближе к вечерне,
С Мишей Стрельцовым пойдём с коньяком
К Хведару Черне.

Гришка Евсеев, Володя Марук:
«*Вып’ем і годзе...*»³
По корректуре размашисто: «*Ў друк!*»⁴
Павлов Володя.

Небо нахмурилось, тени струя.
Стёжечка в жите.
Где вы?.. В какие уплыли края?
Хлопцы, гукніце!...⁵

А с поднебесья: «Ушедших – не тронь!..» --
Грозно и строго.
*Толькі валошка казыча далонь...*⁶
Цёмна... Нікога...

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Позднее светает... Уносят тепло
Смущённые аисты.
Пока что не осень, но время пришло
Прощания с августом.
Молоденькой прелью пропахший овраг
Грустит в одиночестве.
Приходит к нему только Ванька-дурак...
Растрёпа... Без отчества...
Чадит костерок.
– Подходи, посидим –
Вот здесь, под берёзою...
Но Ванька питается духом грибным
И дымкою розовой.
– Эй, Ванька, чего это в душах свербит,
Вот ёлки зеленые!
Он лишь отмахнётся и что-то бубнит
Свое, забубённое.
О чём ни спроси, Ванька врать не мастак:
«Не знаю... Не ведаю...»
Прощается с августом Ванька-дурак,
А мы тут с беседою.
Тридцатое августа... Голос далёк.
Редет дубравушка.
А истину знают лишь ванькин киёк
Да вдовый журавушка.

* * *

Не смогли, не вышли, не дотопали,
Не посмели лишнего посметь.
И стоят-скрипят два чахлах тополя
В том ряду, где Родина и смерть.
Им ещё скрипеть под непогодиной,
На ветру лечить радикулит,
Снова безответно бредить Родиной –
Той, что под корою и болит.
Так болит, что кипень белопенную
Впору им совсем не замечать,
А привычной дрожью подколенную

¹ Как ты, Микола?

² Что с переводом?

³ Выпьём и хватит

⁴ В печать!

⁵ Хлопцы, отзовитесь!

⁶ Только василек щекочет ладонь...
Темно... Никого...

Липкий страх советует молчать.
Не кивать на долю незавидную,
Не кивать ни ныне и ни впредь.
И скрипят стволы радикулитные
Да листва торопится слететь.

* * *

Чуть курчавится дым от воткнутой в салат папиросы,
Не идет разговор... И не пьётся... И мысли не в лад.
Все ответы даны... Остаются всё те же вопросы:
«Что же делать теперь?..» И, конечно же: «Кто виноват?»
Да, характер таков у смурного от жизни народа,
Всё: «Авось, перебьёмся... Авось, доживём до поры...»
Будут мёд добывать, а себе не останется мёда,
Воздвигают палаты, а хаты кривы и стары.
Угорая в чаду, что дарит позабытая вьюшка,
Всё боятся чего-то и вечен тот давящий страх.
Но наутро из хаты – чуть свет! – выбегает девчушка,
И сама, как росинка, и солнце несёт в волосах.
И её узнают и деревья, и рыбы, и птахи,
И листок золочёный всё тщится в ладошку слететь...
Крикнет: «Папа, гляди!..» И отцы забывают про страхи,
И шеломистый купол на Храме спешит золотеть.
Засочится смола вдоль недавно ошкуренных брёвен,
Мужики пожалеют, что вечером слабо пилось...
– Кто виновен? – спроси. И ответят: «Никто не виновен...»
– А что делать-то нужно? – Так выживем, людцы... Авось...

* * *

«...что русский исход тяжелей, чем еврейский исход...»

Надежда Мирошниченко

А время кричало в пустом и безветренном поле,
Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход.
И аист кружил... Он в полёте не думал о воле –
Не думает вовсе о воле свободный народ!..
И что-то мешало идти и не думать о бренном,
И что-то велело укрыться в своё забытьё.
А это Россия торопко струилась по венам,
В висках выбивая росистое имя своё.
И что-то гудело в далёкой, не хоженной чаше,
Да так, что казалось – вот-вот и уже бурелом...
Но аист летящий, но аист о чём-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.
И вроде светлело... Всё больше являлось народу –
Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.
И вброд перешли они стылую чёрную воду,
Что в скользких обломках несла очертанья держав.
И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело.
И плечи негнулись под вечное: «Мать-перемать...»
А тело болело... Да в венах Россия гудела,
И в тромб собиралась, готовая сердце взорвать...